

Источник: Подзорова Н. Дар человечности / Н. Подзорова // Октябрь. — 1974. — № 10. — С. 212–214.

Н. ПОДЗОРОВА

Дар человечности

На необычной для себя ноте беспечности, безмятежности начинается Владимир Тендряков свою новую повесть «Весенние перевертыши». Его герой твердо усвоил, «что такое хорошо, что такое плохо», мир вокруг предстает простым и ясным, и в этом мире он, тринадцатилетний Дюшка Тягунов, — не последний человек. Кажется, чего же проще: «хорошо — учиться на пятерки, хорошо — слушаться старших, хорошо — каждое утро делать зарядку». Однако все до поры. И вот случилось... Дюшкиного безмятежного сердца коснулась любовь. Оказывается, Римка Братенева, которая живет в их подъезде и которую он видит раз по десять в день, похожа на Наталью Гончарову, жену Пушкина! «Творец тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, чистойшей прелести чистойший образец...» Красавица! И вот нельзя уже отвести глаз от ее курчащихся у висков волос, легких взлетающих рук, и сердце не умещается в груди, и небо совсем иное — притягивающее и звонкое, и сам он стал словно зорче видеть, чутче слышать, острее воспринимать мир, который вдруг чрезвычайно изменился, этот «ясный, устойчивый мир стал играть с Дюшкой в перевертыши».

Теперь уже нельзя определенно, однозначно ответить, хорошо ли, плохо ли носить в портфеле кирпич против своего ровесника Саньки Ерахий, быть безоглядно, самодовольно счастливым в присутствии друга Миньки, или — еще сложнее! — понять, что человек может одновременно быть «добрым, а плохим», как думает о своем отце Минька Богатов. То, что еще вчера Дюшка не замечал, чего не слышал, с чем мирился, сегодня касается его лично, остро радует, изумляет или, напротив, ранит, печалит.

Невелика и незнатна вроде бы разбитая лесовозами улица Жан-Поля Марата в лесном поселке Куделино, но жизнь

людей, ее населяющих, таит свои драмы, радости и боли. Нужно только всмотреться в каждого из этих людей, как всматривается теперь ставший иным Дюшка.

Вот у Минькиного отца, Никиты Богатова, «все не так, как вокруг Дюшки, — идут рядом, живут рядом, но в разных мирах. А Дюшкин отец тоже совсем, совсем рядом, но у Дюшки одно, у отца другое. И у матери другое, не похожее ни на Дюшкино, ни на отцовское, ни на Никиты Богатова... Неужели сколько людей, столько и разных миров?»

Огромность мироздания, изменчивость человеческих отношений, след времени на земле постигает прозревающая Дюшкина душа. Бряд ли истинная виновница этого прозрения — Римка Братенева. Случилось иное: Дюшкина душа обрела вдруг какую-то внутреннюю зоркость, и Дюшка изменился, научился наблюдать, размышлять. Его восприятие окружающего так обострилось, что Дюшка, кажется, почувствовал движение самого времени и ощутил это в себе остро и явственно.

Нет, не изменил взыскательному взгляду на человека, звучанию своей прозы Владимир Тендряков в повести «Весенние перевертыши». Детскую душу, внутренний мир тринадцатилетней личности он застает на переломе, в момент качественного ее изменения, мужания. Оттого и тональность повести переменчива, как хрупка и переменчива потаенная, невидимая миру духовная жизнь мальчика, становящегося подростком.

Кто-то чуткий и мудрый сказал: «Ребенок — отец взрослого человека». Здесь нет парадокса: цельный, «идеальный» мир детства подчас «мудрее» мира взрослых. Рыцарски бескорыстная, бережная, не отягощенная еще житейскими разочарованиями любовь Дюшки Тягунова к людям, максимализм его чувств и поступков заставлял взрослых — и отца, и мать, и «приходящую» бабушку Климовну, и старого учителя

«Васю-в-кубе», и даже красивую директорию с «громким, решительным голосом» — идти к истине по тропинке детства, смотреть на Дюшкину драму с его высокой отметки.

Много неожиданного открывает тендряковский герой в жизни и в себе самом. Все в этом мире связано между собой и все зависят друг от друга: судьба лягушки, висящей в Санькиной руке вниз головой, — от жестокости Саньки; жизнь больного Гринченко — от таланта и самоотверженности врача, Дюшкиной матери; доброе настроение матери — от внимательности отца; счастье Дюшки — от взгляда Римки, а Римкина печаль — от равнодушия Левки Гайзера... И эта зависимость делает Дюшку ответственным, сильнее, он уже способен, защищая слабого Миньку, бросить в лицо страшноватому Саньке Ерахе: «Не тронь человека!» Личность подростка показана в развитии, и мы уже предчувствуем в Дюшке характер общественный, деятельный, человеческий.

Писатель не прослеживает истоки другого, противоположного Дюшке характера, злонамеренного, ограниченного и жестокого Саньки. Пожалуй, в повести это единственный образ «без рода, без племян». Он не имеет, несмотря на живописную выразительность, той достоверной объемности, как многие другие персонажи. Санька выступает как бы обобщением, символом активной недоброты, общественно опасного зла — пусть зла еще в зародыше, в чуть проклюнувшемся ростке. Но знаем мы, что впоследствии в жизни такой Санька может обернуться как коварным, беспощадным бандитом Бушуевым («Тройка, семерка, туз»), или душевно глухим Кешкой («Поденка — век короткий», или бездушно ретивым исполнителем Божеумовым («Три мешка сорной пшеницы»). Человек начинается с детства. Он начинается еще и с сочувствия, с сострадания, с деятельного добра.

Писатель в «Весенних перевертышах» вопреки своей традиции отбора жизненного материала намеренно исследует вполне заурядный, без исключительных ситуаций жизненный фон. Но, учит повесть, в самой обычной, ежедневной жизни идет постоянный нравственный бой, и не надо ждать исключительного случая, чтобы выбрать, чью сторону принимать.

В конечном счете все устроилось к лучшему в поселке Куделино: выздоровел раненный Санькой Ерахой Минька, «Саньку теперь, должно, уберут из поселка, Никиту Болотова Дюшкин отец пристроит к настоящему делу, мать поставила на ноги умиравшего Гринченко. А Дюшка все-таки останется со своей бедой: Римке Братановой нравится не он, а Левка Гайзер — «под опущенными ресницами родилась колючая искорка, поиграла робким лучиком и освободилась от плена — прозрачная капелька,

нехотя ползущая по глубинному опущенному румянцу. Слеза не по нему». Любовь Дюшки безответна. Это его первая жизненная драма. Да, драма, и писатель очень серьезен и уважителен к ней.

Повесть «Весенние перевертыши» завершает новую книгу Тендрякова. Кроме нее, в сборник входят еще пять повестей: «Три мешка сорной пшеницы», «Кончина», «Поденка — век короткий», «Суд», «Тройка, семерка, туз». Название сборника «Перевертыши» не просто усеченный заголовок одной из повестей. Все их объединяет мысль: «Прекрасный мир окружал Дюшку, прекрасный и коварный, любящий играть в перевертыши». Старинное слово «перевертыш» писатель здесь толкует не только как безобидный «перекидыв», но и как грозный бедой «оборотень».

Пласт жизни, захваченный и художнически исследованный писателем в каждой из повестей, непременно включает в себя остро обнаженный жизненный конфликт, где прекрасное вступает в противоборство с коварным. Тендряков не сглаживает, не упрощает проблему: прекрасное не всегда празднует победу. Художник доверяет в этом случае жизненному опыту и нравственным критериям читателя, которому по плечу извлечь урок из показанной ему жизненной драмы, не испугаться, не разочароваться, но научиться сопереживать чужой боли. «Почувствуй мое, как свое...» — это непреложное условие Тендрякова во взаимоотношении с читателем.

Настя Сыроегина, двадцати семи годов, свиарка из деревни Утицы («Поденка — век короткий»), не помышляла ни о славе, ни о статьях в газете в ее честь...

Она ждала своего счастья, и пусть оно будет «самое незатейливое, такое, как у всех, как у Глашки, как у Павлы, чтоб муж... чтоб дети, чтоб семейным теплом была согрета изба и мать на старости лет в приюте». Пришло оно, наконец, счастье, все у нее, «как у людей», все, что можно желать, — и любовь, и достаток в доме, и почет в колхозе, районе, области. Но не спит ночами, мечется Настя Сыроегина: виной всему — «мертвые пороссячи души», приписки. И Настя ищет оправдания, выхода для себя: может, не только она сбилась с дороги? Суд собственной совести выносит приговор: «Не настоящая ты, Настя, фальшивый камушек в дорогой сережке». Горит новый свиарник, горят в нем, истошно визжа, выращенные ею свиньи, рвется к небу Настин «надрывно зовущий, плачущий голос: «Спаси-те!! Спаси-те!!»...

Писатель завершает повесть значительной фразой: «Люди добрые, спасите Настю». В этой фразе укор и Насте и тем, кто способствовал тому, что молодая женщина пошла на преступление, и сострадание к ней. И тогда все те, кто в повести держался как бы в тени, на обочине, но кто каким-то образом касался Настиной жизни, судьбы, выявлялись отчетливо, и столь же отчетливо обозна-

чается их доля вины. Кто же виноват? С чего началось падение Насти Сыроежиной?

И писатель обвиняет и Веньку Прохоренко, первого парня, который обманул юную любовь и надежду Насти, и Кешку Губина, не желавшего считаться с ее дочерними чувствами, дочерним долгом, и ее «желторотенького» мужа, одержимого бодрячеством Костю Неспанова, придушившегося к знатной свинарке района... Но более других обвиняет Тендряков Артемия Богдановича Пегих, председателя колхоза. Безнравствен Пегих, который вместо планомерного подъема всего колхоза на основе разумной системы хозяйствования хочет вырваться в передовые на дутом рекорде, лишь бы пустить пыль в глаза районному начальству, лишь бы греметь, мелькать в газетах. Не быть, а казаться! И тогда за это платят своей судьбой такие, как Настя. И тогда с противоестественным чувством равнодушия к земле уходят из колхоза в «городскую жизнь» молодые ребята Венька и Кешка, подается в буфетчицы в райцентр Маруська Щекоткина.

Тему ответственности людей друг за друга, взаимосвязанности жизней писатель заявляет в повести во весь голос, остро, порою обращаясь к открытой публицистике. Верный своему художественному принципу, он доводит коллизии повести до исключительности, героиню — до душевной трагедии, чтобы читатель в мире сильных чувств и сострадания острее понял и свою ответственность за конкретного человека, и вынес нравственный урок: «Почувствуй мое, как свое...»

Герои повести «Суд» не только ищут, чья шальная пуля убила во время медвежьей охоты проходившего мимо парня. Речь в повести идет и о доверии к человеку. Кто ж невольно убил парня? Полуграмотный фельдшер, сосед медвежатника Тетерина, неудачник, «несерьезный человек» Митягин, и стрелять-то толком не умеющий? Или Дудырев, «фигура» в этих местах, начальник строительства деревообделочного комбината?

Привычный деревенский герой, старый охотник-медвежатник Семен Тетерин, «олицетворение народа», априори несет в себе функцию истинности поступ-

ков и подлинности чувствований. Не то Константин Дудырев, интеллигент из города, человек, отделенный от злосчастного Митягина несколькими ступенями служебной лестницы.

В разборе несчастного случая на охоте, казалось бы, исконный хозяин местных лесов должен взять верх, одержать нравственную победу — так диктует традиция характера. Однако Тендряков-художник мыслит в русле движения и обновления жизни, совершенствования человеческих отношений. Добрее, последовательнее, ответственнее за человека оказывается «пришелец», «разрушитель» векового деревенского уклада и покоя, но и носитель новой, социалистической морали — Константин Дудырев.

Повесть «Суд», пожалуй, полемизирует с теми произведениями, где идеализированный, статично неизменный народный тип сельского жителя доведен до обобщенности лубка. На этот тип в литературе порой не влияют ни годы, ни изменение общественного уклада, ни социальные перемены в деревне, ни взаимодействие ее с городом. У Тендрякова этот тип высвечивается на фоне новизны, перестройки жизни. «Люди меняются медленнее, чем сама жизнь... Мало поднять комбинат, проложить дорогу, переселить людей в благоустроенные дома. Это нужно, но это еще не все. Надо учить людей, как жить», — размышляет Дудырев, отстоявший Митягина от обвинения суда и от предавшего его своим невмешательством Тетерина.

Многообразие характеров и качеств человеческой личности открывает В. Тендряков в своих героях. Они вобрали опыт современников, влияние общественных коллизий, тесно связаны со своим временем и обстоятельствами бытия, а значит, они есть человеческие типы, которые и должна создавать литература. Вот тип человека, «распахнутого для всех», — таковы Федор Тягунов — отец, Дюшка, «Вася-в-кубе», таковы Константин Дудырев, Саша Дубинин («Тройка...»), Женька Тулупов, Адриан Глушев, секретарь райкома Иван Бахтьяров («Три мешка...»), Сергей Лыков («Кончина»). Это люди, ответственные за жизнь, гармоничные «делатели» добра. На них надеется, в них верит писатель Тендряков.